

«Я — ЖИВОЙ»

Исполнилось 100 лет Николаю Заболоцкому

Литературное наследие замечательного русского советского поэта Николая Заболоцкого невелико, но сколько в нем настоящих шедевров! Даже спустя годы после смерти Заболоцкого его стихи продолжают становиться знаменитыми песнями. Мы попросили рассказать о феномене Николая Заболоцкого писателя и литературоведа Игоря ВОЛГИНА.

Известия - 2005 - 8 мая - с. 12.

Русская поэзия была бы менее полновзвучной, если бы в ней не существовало «феномена Заболоцкого». Действительно, немного найдется художников, которые в начале и в конце своего пути явили бы столь разительное внутреннее несходство. Термин «эволюция» слишком академичен для такого беспрецедентного случая. Вообще поэтическая цельность Заболоцкого особого рода, ее трудно объяснить исходя исключительно из литературы. Его опыт имеет отношение к чему-то выходящему за пределы искусства, но и само искусство находит в опыте Заболоцкого важное для себя оправдание.

Николай Заболоцкий начал со «Столбцов», книги совершенно необычной для русской поэзии. Она опирается в какой-то степени на традиции Велимира Хлебникова, но вообще это тип сознания, совершенно новый в русской поэзии. В «Столбцах» главный комический эффект достигается тем, как об этом рассказано. Перед нами, по выражению самого Заболоцкого, «стих, почти не похожий на стих», с нарушением ритма и метра, исчезновением рифмы, шокирующими прозаизмами. Расползающаяся и неуклюже пытающаяся находить видимость благообразия стихотворная речь становится не только средством осмеяния, но и его объектом.

Когда жена Павла Антокольского актриса Зоя Бажанова услышала стихи молодого Заболоцкого, она неожиданно для всех воскликнула: «Да это же капитан Лебядкин!» И действительно, вспомним лирические упражнения героя «Бесов» Достоевского. Он пытался выразиться как можно изящнее, но сам он эстетически глух, и соединение этих двух обстоятельств порождает рифмованных монстров. Заболоцкий избирает для описания своей циркачки схожий тип сознания. Герой-повествователь «трепещет» и спешит излить свое томление в литературно-«приличных» формах: «Но вот одежды беспокойство вокруг тела складками легло. Хотя напрасно! Членов нежное устройство на всех впечатление произвело».

Хочу напомнить о драме Заболоцкого, о годах, когда он был отлу-

чен от литературы. После лагерей он полностью в нее вернулся, и это редкий случай, возможно, всего второй после Достоевского: человек прошел мрачные пропасти земли и вернулся с каторги еще более мощным художником. Но его поэтика изменилась не только под влиянием этих внешних обстоятельств, а под воздействием глубинного внутреннего, душевного процесса.

Поздний Заболоцкий, наиболее известный, абсолютно классичен. Но и в стихотворении конца 40-х годов «Лебедь в зоопарке» у Заболоцкого «плывет белоснежная дива, животное, полное грез». Соседи по квартире на Беговой, которую поэт получил в 1948 году, никак не могли согласиться с тем, что лебедь — животное. Животное, полное грез, было отвергнуто не только соседями. «Не молоденький, а все шутите», — укоризненно заметил Заболоцкому поэт совсем другого лирического склада, Александр Твардовский, когда он принес свои стихи в «Новый мир». Однако Заболоцкий вовсе не шутник. Сведя вместе «отпугивающие» друг друга слова, он взорвал прекрасный набор определений, так восхищавший его домашних слушателей, что придавало образу парадоксальность и глубину. То, что могло представляться поэтическим рецидивом, оказалось счастливой художественной находкой. Зрение осталось. Изменилась точка зрения.

Высокий урок Заболоцкого в том, что два во многом противоположных способа видения были явлены в пределах одной биографии, а главное — одного художественного опыта. Стало очевидным, что талант, даже обладающий незаурядной изобразительной мощью, не может реализовать свое предназначение, не будучи подключен к источникам добра и красоты. Но эстетическая драма, которую пережил автор «Некрасивой девочки», имеет, если воспользоваться выражением Бахтина, открытый финал. Ибо поздняя гармония Заболоцкого не отвергает возможностей, заложенных в его раннем творчестве: «Чтоб кровь моя остынуть не успела, я умирал не раз», — сказал он в стихотворении «Метаморфозы».